

Александр Куприн

Рай

Александр Иванович Куприн

Рай

Текст предоставлен правообладателем

Рай: 1921

Аннотация

«...Во избежание соревнования и недовольства совсем уничтожено прежнее разделение на брюнетов и блондинов, шатенов и рыжих, курчавых и плешивых. Каждое утро на головах и лицах всех членов коммуны истребляется вся волосяная растительность. Операция эта производится с помощью электрических выжиганий; она безболезненна и занимает не более пяти секунд...»

Александр Иванович Куприн Рай

(Уцелевшие отрывки из рукописи, найденной в 1971 году при раскопках развалин Москвы. Экспертиза с большой достоверностью установила авторство мистера Роберта О'Брейля, сотрудника «Нью-Йорк Герольд», исчезнувшего бесследно в начале сороковых годов этого столетия во время своей отважной попытки проникнуть внутрь Всероссийской Коммуны. Документ, сохранившийся в запаянном жестяном цилиндре, сильно попорчен временем и сыростью.)

...и то, что было зачтено Плинию как акт величайшего научного подвига, явилось бы для нынешнего газетного корреспондента привычным исполнением служебного долга. Ехать по первому распоряжению директора газеты в дебри Средней Азии, к Северному полюсу, на театр самой свирепой войны, в местности, пораженные тифом или чумой, – для нас так просто, как для наших почтенных читателей утром надевать сапоги, а вечером снимать их...

...Как бы ни была велика опасность, – всегда рассчитываем, что есть два-три шанса выскочить из нее благодаря случаю или собственной находчивости. В том положении, в ко-

тором я сейчас нахожусь, шансы на спасение равны круглому, толстому, абсолютному нулю. Ни луча, ни малой искорки надежды покинуть когда-нибудь этот Земной Рай и хоть на мгновение взглянуть на прежний, добрый, старый, такой милый, такой неусовершенствованный мир. С той минуты, как меня провели сквозь электрические проволочные ограждения и подверг ли унижительному...

...и личности больше нет. Она совершенно растворилась, исчезла в том номере, под которым я значусь и буду значиться до самой смерти: М. 8044. 19-Д..

...Весь внутренний и внешний смысл здешней жизни можно выразить двумя словами: равенство и электрификация...

...Мужчины и женщины работают вместе, но живут отдельно. И те, и другие одеты одинаково, в серое сукно: серая куртка, серые штаны, серый, круглый, без козырька картуз, серая обувь; для отличия на спине простой краской напечатаны – номер под-подсекции, кроме того – буквы М или Ж, в зависимости от пола.

Во избежание соревнования и недовольства совсем уничтожено прежнее разделение на брюнетов и блондинов, шапенов и рыжих, курчавых и плешивых. Каждое утро на головах и лицах всех членов коммуны истребляется вся волосяная растительность. Операция эта производится с помощью электрических выжиганий; она безболезненна и занимает не более пяти секунд..... стремятся путем дози-

ровки труда, пищи и некоторых лекарств достигнуть одинакового веса для лиц одного пола и возраста, дабы не было поводов к хвастовству и зависти. Я состою в категории 4 п. 12 ф. Допускаются колебания в пределах десяти золотников. Завтра вторник; мне предстоит очередное взвешивание; по состоянию моего здоровья я уже предвижу, что всю следующую неделю мне придется принимать на ночь «Каскар Саграда»... но число слов, употребляемых членами коммуны, строго ограничено законным максимумом. Так, в прошлом году наш разговорный лексикон вмещал в себя сто тридцать пять коренных слов, декретом же этого года он сведен к девяноста словам, между которыми, впрочем, добрая половина – излишняя роскошь...

Пейзаж и природа признаны вредно действующими на нервы и характеры. В основу построек и планировки зданий легли: куб, квадрат и прямая линия. Деревья и цветы не упоминаются даже в разговорах – их больше нет...

Восемь часов – у станков и тракторов, приводимых в движение электричеством. Три часа – на все естественные потребности (мытьё, еду, отдых и пр.). Четыре часа – на воинские упражнения; женщины отдельно от мужчин. Три часа – на изучение теории Маркса в популярном изложении Энгельса и на очередной митинг с заранее указанными темой и резолюцией. Один час – на общественную исповедь, которая состоит в том, что каждый коммунистка докладывают секретно своему ячеечному товарищу (эти – кучковым,

а те – групповым и т. д.) как о собственных своих греховных, антикоммунистических словах, делах и помышлениях, сотворенных за день, так и, особенно, о поступках и предполагаемых мыслях своих товарищей по работе и ночлегу...

..... На сон шесть часов. Мужчины спят в своих казармах, женщины – в своих. Спальные камеры, круглые, с определенными нумерованными местами. Придя для ночлега, все в строго точный час, минуту и секунду ложатся на пол, на круглую подстилку, звездообразно, ногами в середину, головами наружу, обязательно на правый бок. Раздается звук гонга; сверху, с потолка, спускается общее, коммунальное ватное одеяло. В тот же миг электричество гаснет, и наступает обязательное безмолвие. Видеть сны строгойше воспрещается. В три часа утра коммунное одеяло, по гонгу, взвивается вверх.....

Повсюду на стенах рабочих отделений висят плакаты: «Человек может сработать в пять раз больше того, что ему позволяют его силы, коммунист – вдесятеро». Поэтому во время работы всякий из нас незаметно соединен электрическим проводом с главной станцией, где отдельные механические счетчики указывают интенсивность работы каждого станка. В случае ослабления энергии в одном, данном месте – все равно, будь это от лени, усталости или болезни – туда немедленно пускается страшной мощности ток, производящий на человека чрезвычайно возбуждающее и крайне болевое впечатление, и указатель счетчика мгновенно под-

нимается до общего уровня. Был случай, что один рабочий, скончавшийся за станком от разрыва сердца, продолжал механически работать еще полтора часа после своей физической смерти, под действием этого тока. Был и другой случай: сто двадцать рабочих одного отделения успели каким-то чудом столкнуться между собой, чтобы ради отдыха поработать хоть один день в половину обычного, крайнего напряжения сил. Между ними один оказался предателем. Ради будущей выгоды он работал вовсю, и разница с его счетчиком выдала надсмотрщикам эту итальянскую забастовку. Все сто двадцать, кроме одного, были, как молнией с неба, убиты коротким электрическим ударом...

Едим три раза в день: утром и вечером сухие галеты из белковых веществ, среди дня – обед. Обедаем сообща (девиз коммуны: «Никогда одиночество») за длинными мраморными столами, в которых сделаны выемки в форме глубоких тарелок, а сбоку на цепочках прикреплены ложки. Ровно в полдень, по звонку, миски эти механически наполняются снизу единообразной густой похлебкой или кашницей, содержащей в себе размельченными (во избежание неравенства порций) все необходимые элементы питания. У каждого под мышкой цилиндрический сосуд с наконечником – подобие старинного клизопомпа. Если кто-нибудь бывает замечен в болтовне и склонности к веселью или уличается в намерении зачерпнуть ложкой у соседа, инспектор подходит к нему, опускает клизопомп в его размазню, и – фьють – тарелка разом пуста.

ет. Перед каждой едой и после нее дежурный староста читает вслух, по обиходу, отрывки из Коммунистического Манифеста...

... но весной, в месяц Любви, некоторых из нас отправляют на сборные случайные пункты, где товарищи, заведующие специально половой статистикой, распределяют... большие залы, украшенные портретами прародителей и отцов Великой революции...

... детей мы никогда не видим, так же как и глубоких стариков. Человек «изработавшийся» как-то сам собою внезапно исчезает в одно прекрасное для него утро. Подобно им исчезают и товарищи с непокорным выражением лица. В такие дни наши похлебки бывают наваристее...

... ибо существуют особые кабинеты для чтения мыслей при помощи остроумных электрических приборов...

В стороне от расположения коммунистического поселка над ровной плоскостью и строгими рядами казарм возвышается до неба железная башня. Там сосредоточены электрические машины, откуда передаются сигналы, и там-то живут Они, Неназываемые, Владыки, Божественные, о которых не разрешается не только говорить, но и думать. От них – пища, и вода, и свет, и тепло, и работа, и вся наша жизнь, и наша смерть. Когда они на своих воздушных машинах пролетают над поселком, мы при первом же звуке винта падаем на землю, и закрываем лицо руками, и лежим так, стараясь не дышать до тех пор...

... О тех трудностях, с которыми я достал кусок кости и немного тонкой бумаги... Чернила я составил...